

ТРУДЫ
ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ВОСТОКОВЕДОВ

МОСКВА

9 — 16 августа 1960

ТОМ III
ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИЙ X, XI, XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

supposed to work free of charge because their work was regarded as *Xudoī*—a sacrifice to the spirits of ancestor-masters.

Up to now we have no information whether the smiths had anywhere a custom similar to that of the potters in Ferghana—a second dedication ritual of girdling with a sash (*kamarbandon*) which was required to entitle the apprentice to set up his own shop, especially when he was not a relative of the master. Curiously enough, in Baisun, and, apparently, in Shahrisabz and Karshi the *kamarbandon* ritual was not associated with admission to the guild; here smiths and some other craftsmen were submitted to this rite after they reached the age of 40, that is when they were on the brink of middle age. Usually they were already very highly experienced and well-to-do masters. After going through this ritual they were supposed to break with the sinful ways of their youth: they were never to lie, to refrain from injuring people, from misappropriating other persons' property, from improper relations with women, etc.

Masters from different craft guilds went through this rite at the *arvohi pīr* celebrated every few years, to which all town craftsmen gathered. Having passed the rite of girdling with a sash a craftsman became one of the elders of the guild who during the craftsmen's assemblies sat above the other members of his guild and enjoyed great prestige among them. Now it is hard to say whether this rite is associated with Sufism or is of a more ancient origin. This problem, like many others, requires further investigation. So far, however, every season of field work provides more and more details about the life of Central Asian guilds of craftsmen in times past.

NOTES

¹ М. Ф. Гаврилов, *Рисоля сартовских ремесленников*, Ташкент, 1912 г.; он же, *О ремесленных цехах Средней Азии*, „Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы“, 3, Ташкент, 1928; Е. М. Пещерева, *Гончарное производство Средней Азии*, „Труды Института этнографии АН СССР“, XLII, М.-Л., 1959, ч. II, гл. IV, ч. I, гл. VI; И. И. Зарубин, *Материалы и заметки по этнографии горных таджиков: долина Бортанга*, „Сборник МАЭ“, 1918, V, 1; он же, *Сказание о первом кузнеце в Шугане*, „Известия АН СССР“, 1926, стр. 1165—1170.

² Materials on Karategin and Darvaz have been collected by N. N. Yershov and form a part of the chapter "Domestic Crafts of Karategin and Darvaz" of the monograph *The Tadzhiks of Karategin and Darvaz* which is being prepared by the Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Tadzhik Academy of Sciences. The rest of the materials, has been collected by the author of the present report.

³ *Kafsang*, known elsewhere as *kafsan*, *kapsan*, *kepsan*, *kausan*, means a part (a small one) of the grain crop, or sometimes fruit, set aside by the peasants to pay persons serving the entire community (craftsmen, the elected elders). Sometimes it meant the part of the harvest given free to widows who were relations. The term is widespread among the rural population of Central Asia (the Tadzhiks and Uzbeks).

⁴ In Bukhara and adjoining areas to which raw materials have been since ancient times brought from afar, this custom was not observed.

⁵ *Doʻyob||doʻysu* — from Tadzhik *doʻy* 'red hot' + *ob* 'water'. Uzbek *su* 'water'.

⁶ In Baisun young men went to the mountains in advance to make charcoal.

По докладу выступил М. Ю. Юлдашев.

Н. А. КИСЛЯКОВ (Ленинград): ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ У ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ БУХАРСКОГО ХАНСТВА

В течение нескольких последних лет автор настоящего доклада изучает проблему патриархально-феодалных отношений у оседлого (в основном сельского) населения бывшего Бухарского ханства в конце

XIX — начале XX в. Вопрос о патриархально-феодальных отношениях среди кочевников достаточно полно разработан советскими историками и этнографами и был предметом серьезной дискуссии на совещании историков Средней Азии в 1954 г. в Ташкенте и на страницах журнала «Вопросы истории» в 1955 г. Его изучение по отношению к оседлому населению будет способствовать более широкому освещению всей проблемы в целом.

Под патриархально-феодальными отношениями в конкретном применении ко многим народам дореволюционной России, в том числе и к народам Средней Азии, принято понимать собственно феодальные отношения как господствующие, ведущие, но осложненные более или менее стойкими пережитками отношений патриархальных, т. е. свойственных эпохе перехода от первобытнообщинной социально-экономической формации к формациям классовым. Эти патриархальные отношения пережиточно держатся еще довольно крепко в рабовладельческой и феодальной формациях, составляют в них своеобразный социальный уклад и тесно переплетаются с ними; при этом нередко сами рабовладельческие или феодальные отношения облекаются в патриархальную форму, что позволяет эксплуатирующим классам более успешно осуществлять свои цели и задачи.

Социальные отношения в Бухарском ханстве в последний период его существования были более отсталыми даже по сравнению с другими районами Средней Азии, находившимися непосредственно под русским управлением, поэтому и патриархальный уклад сохранялся в ханстве в целом более устойчиво. Однако детальное и дифференцированное изучение вопроса на месте показывает, что патриархальный уклад на территории бывшего Бухарского ханства наиболее полно сохранялся в тех районах, где еще господствовало натуральное хозяйство. По этому признаку территория бывшего Бухарского ханства может быть разделена на две довольно резко различавшиеся области — Западную Бухару со значительно более развитыми товарно-денежными отношениями и Восточную Бухару, горную, где в основном еще преобладало натуральное хозяйство. В соответствии с этим и патриархальный уклад, патриархальные отношения и традиции были более устойчивыми в Восточной Бухаре и в гораздо меньшей степени давали себя знать в экономически более развитых западных районах ханства.

Горные области Восточной Бухары, до 70-х годов прошлого столетия еще управлявшиеся местными владетельными династиями, и экономически и политически были почти совершенно изолированы от внешнего мира; путями сообщения служили здесь узкие горные тропы. Население питалось продуктами собственного хозяйства, одевалось в домотканую одежду, строило дома из местного материала. Несложный сельскохозяйственный инвентарь был собственного изготовления, утварь состояла в основном из кустарной глиняной посуды, для освещения служили глиняные плошки, наполненные жиром. Подати уплачивались натурой в виде зерна, масла, мяса и самых разнообразных предметов домашнего обихода, необходимых в хозяйстве правителя области и его приближенных. Восточная Бухара и после присоединения ее к Бухарскому эмирату оставалась вплоть до революции страной натурального хозяйства и мало затронутого патриархального уклада.

Патриархальные отношения исчезают в различных областях жизни не с одинаковой быстротой и интенсивностью. Скорее всего они изживаются в области экономической, в частности в формах собственности

и в первую очередь собственности на землю; дольше всего они сохраняются в различных явлениях надстроечного порядка, например в системе управления, в области различных традиционных понятий и представлений. Особенно стойко патриархальные отношения сохранялись в семейной жизни, в значительной степени изолированной от жизни общественной.

Аграрные отношения в Бухарском ханстве (как это вообще характерно для феодального способа производства) имели в своей основе иерархическую, или сословную, форму земельной собственности, при которой три вида отношения к земле — собственность, владение и пользование — нередко находились в различных руках, и один и тот же участок земли имел в качестве собственника, владельца и пользователя различных лиц.

Верховным собственником всей этой земли номинально являлся эмир, предоставлявший ее во владение и пользование населению при условии уплаты в эмирскую казну земельного налога, который в данном случае следует рассматривать как феодальную ренту. Одновременно собственником земли выступает и весь класс феодалов в целом, поскольку эмир раздавал большие земельные участки представителям феодальной знати, полностью или частично освобождая их от уплаты в его казну налога. В результате этого мы наблюдаем в Бухарском ханстве две основные категории земель — амляковые земли (*амлок*) и миловые земли (*мильк*). Налог с земель первой категории, взимаемый с крестьян государственными чиновниками — амлокдорами, поступал в эмирскую казну, в то время как доходами с земель второй категории пользовались их владельцы — феодалы.

Помимо этих двух основных категорий, существовали еще так называемые вакуфные замки (*вакф*), обычно завещанные эмиром или крупным землевладельцем тому или иному духовному учреждению или святыне; доходы с этих земель шли в пользу духовной знати.

С вопросом о формах земельной собственности тесно связан вопрос о формах эксплуатации непосредственного производителя. Основным видом феодальной эксплуатации в Бухарском ханстве повсеместно являлось взимание с крестьянства упомянутой выше ренты — налога. Наряду с налогами в ханстве существовали многочисленные повинности, к выполнению которых крестьяне привлекались в порядке внеэкономического принуждения. Одной из разновидностей форм эксплуатации была так называемая система *танхо* — ленного пожалования за службу, по существу являвшаяся временной передачей государством (эмиром) права на получение налога с земли какому-нибудь феодалу. Большую роль в системе эксплуатации непосредственного производителя играла издольщина (*чайрикёрство*) — сдача земли в аренду малоземельным или безземельным крестьянам.

В формах собственности на землю между Западной и Восточной Бухарой наблюдалось некоторое различие. В Западной Бухаре крупная частная собственность на землю получила более значительное развитие; здесь существовали большие массивы миловых земель, принадлежавших отдельным представителям господствующего класса феодалов, а также большие вакфы. Напротив, в Восточной Бухаре эти категории земель почти совершенно отсутствовали, большая часть земли была амляковой и находилась во владении (и пользовании) непосредственного производителя — крестьянина. В связи с различными формами землевладения и землепользования в Восточной и Западной

Бухаре были различны и формы эксплуатации в каждой из этих частей ханства. В то время как в Западной Бухаре наряду с формой присвоения налога непосредственно государством сдача мельниковладельцами своих земель трудящемуся крестьянству на основе издольной аренды была одной из распространенных форм эксплуатации, в Восточной Бухаре, помимо налога, широко практиковалась система ленных пожалований — *танхо*, упомянутая выше.

Крупнейший советский востоковед А. А. Семенов в своем «Очерке устройства центрального административного управления Бухарского ханства» (Труды АН Таджикской ССР, т. XXV, стр. 11—12), имея, по-видимому, в виду это различие, считает возможным говорить о двух формах *танхо* — в Западной Бухаре раздача феодалам земли, а в Восточной Бухаре раздача феодалам непосредственно крестьянских хозяйств, с которых феодалы получали прибавочный продукт в виде налога, как бы переуступаемый им государством.

Указанное различие в формах землевладения и связанное с ним различие в формах эксплуатации непосредственного производителя между Западной и Восточной Бухарой находит себе объяснение в том, что в Восточной Бухаре еще весьма стойко держались патриархальные отношения, сохранялся патриархальный уклад. Несмотря на то что в дореволюционном горном таджикском кишлаке каждая усадьба дом и пахотная земля принадлежали отдельным лицам, сельское общество в целом в ряде случаев вмещивалось в права наследования. Например, если в доме не оставалось работоспособных, за родственниками и соседями сохранялось преимущественное право на усадьбу. В общине право на пахотную землю выражалось также и в том, что односельчане могли выпасать свое стадо на всех пахотных землях после снятия урожая, следствием чего являлся единый обязательный для всех общинников севооборот и одновременное начало и окончание всех сельскохозяйственных работ. Другие угодья кишлака — выпасы, леса и заросли, служившие местом сбора топлива, находились в общем нераздельном пользовании всего кишлака, являлись общинными землями.

Пережитки общинного землепользования в Восточной Бухаре* служили препятствием для образования здесь крупных феодальных землевладений и применения таких форм эксплуатации непосредственного производителя, которые обуславливаются этим видом собственности. Завоевав край в 60—70-х годах прошлого столетия, бухарское феодальное государство пошло по пути наиболее простого в данных условиях способа эксплуатации трудящегося населения, а именно по пути раздачи отдельных крестьянских хозяйств, а иногда и целых кишлаков в ленное владение. Так, например, к концу существования Бухарского эмирата в некоторых районах долины реки Хингоу количество хозяйств, отданных в *танхо*, составляло около половины общего числа.

Передача крестьянских хозяйств в ленную зависимость нередко прикрывалась патриархально-родственными отношениями. В Восточной Бухаре было много случаев отдачи в *танхо* местным феодалам хозяйств, принадлежавших их близким или более дальним родствен-

* Общинно-переделное землепользование существовало и в некоторых наиболее отсталых районах Западной Бухары (например, в Каршинской степи), но здесь также отсутствовало мельниковое землевладение. В большинстве районов ханства общинный характер имело также водопользование, однако за недостатком места мы этого вопроса здесь касаться не будем.

никам как *хоки боби*, т. е. как «земли их дедов»; иногда в *танхо* феодал получал хозяйство родственников своей жены в качестве *хоки хсыр*, т. е. «земли своего тестя». Этот порядок считался настолько обычным, что нередко служил основанием для феодала просить себе в *танхо* те или другие крестьянские хозяйства, а иногда и целый кишлак именно по праву «родства» или «свойства». Все это делалось для того, чтобы в сознании эксплуатируемого крестьянства феодал-ленник выступал как «свой» человек, своего рода покровитель, заботящийся об интересах переданных ему крестьян.

Феодалы использовали и такие формы родственной или общинной взаимопомощи, как *шарики* и *хашар*. Первоначально *шарики* было простой кооперацией труда и средств производства при земледельческих работах родственников или соседей; два хозяйства объединяли свой скот, инвентарь и посевной материал, а затем полученный урожай делили между собой. *Хашаром* назывался обычай коллективной помощи родственнику или соседу, не имевшему возможности по болезни, недостатку рабочих рук или по другим причинам справиться с какими-либо сельскохозяйственными работами; родственники или чаще все односельчане выходили на поле и безвозмездно выполняли необходимую работу, хозяин поля обязан был лишь поставить угощение для работавших.

Однако с течением времени *шарики* все больше превращается в кабальную издольщину, в качестве *шарика* — сотоварища выступает уже безземельный или малоземельный крестьянин, работающий на землевладельца и получающий за свой труд лишь небольшую долю урожая. *Хашар* же превратился в принудительную барщину на земле феодала, на поле которого нередко сгоняли для жатвы и других работ крестьян многих кишлаков; местная сельская администрация должна была строго следить за тем, чтобы ни одно крестьянское хозяйство не уклонялось от этой повинности.

Патриархальные отношения и соответствующие традиции играли значительную роль при взимании с населения натурой различных сборов, сохранявшихся еще с отдаленных времен. Мелкие сборы маслом, хлебом, кустарной тканью, веревками, дровами, мясом животных и птиц, добытых на охоте, — все это крестьянин нес своему господину по тому или другому случаю, будь то свадьба, рождение сына или какой-нибудь праздник, нес как бы добровольно, в порядке «уважения». Нередко совокупность этих сборов по своей величине и ценности не уступала официально установленным налогам. Бухарские феодалы сделали обязательными и сборы, носившие в прежнее время характер благотворительности, помощи нуждающимся родственникам и соседям, подаяния странникам. Например, традиционную «божью долю» — блюдо зерна с нового урожая вместо странника стал получать имам мечети; *кафсан* — меру зерна, предназначавшуюся в старое время бедному соседу или родственнику, стали давать бухарскому чиновнику — *дарга*, собиравшему налог с урожая для казны, в связи с чем этот новый обязательный сбор с крестьянина стал называться *кафсандарга*.

Господствующий феодальный класс стремился сохранить патриархально-общинные отношения в кишлаке, поставить сельскую (кишлачную) общину на службу своим интересам. Существовавшая в кишлаке родственная и соседская солидарность являлась как бы своего рода круговой порукой, гарантировала исправную уплату налогов и

сборов с кишлака, выполнение различных трудовых повинностей. Кишлак должен был выплатить определенную сумму налогов, выставить для работы необходимое количество людей; в случае болезни того или другого односельчанина, уклонения его от выполнения повинностей и сборов дополнительное бремя ложилось на других односельчан. В силу этого, как уже отмечалось, представители сельской общины — наиболее влиятельные и авторитетные старики — следили за тем, чтобы земля в каждом хозяйстве исправно обрабатывалась; в случае смерти прежнего владельца и отсутствия в хозяйстве работников земля могла быть передана кому-либо из односельчан.

Низовая сельская администрация, как правило, избираемая из представителей данного кишлака, из наиболее авторитетных односельчан, обычно осуществляла посредничество между населением и властями. Жители кишлака в лице сельского старосты (*аксакал*, *арбоб*) видели человека, отстаивавшего интересы своих односельчан и решавшего дела по «справедливости»; он наблюдал за очередностью несения крестьянами трудовой повинности, за равномерным распределением работ, правильным взиманием налогов и сборов. Посредничество старосты, выбранного из среды населения, способствовало устранению конфликтов между крестьянином, с одной стороны, и феодалом или представителем государства — с другой, сглаживало недовольство населения, что в конечном счете облегчало его эксплуатацию.

В некоторых местностях характерной фигурой являлся *амин*, в ведении его обычно находилось несколько кишлаков, он же часто распределял воду между этими кишлаками. Считалось, что при определении на глаз количества зерна в куче на току для установления величины налога с данного хозяйства *амлоктор* или *дарга* как представители государства стремились завысить это количество, *аксакал* же вместе с хозяином зерна определял количество последнего ниже фактического; *амин* выступал, по мнению населения, в качестве нейтрального лица, он всегда определял количество зерна довольно точно, и если возникал спор и *амлоктор* приказывал перемерить зерно (меряли решетом), то обычно оказывалось столько зерна, сколько определял *амин*.

Сельская (кишлачная) община, бытовавшая повсеместно в Бухарском ханстве и особенно прочно сохранившаяся в Восточной Бухаре, являлась той архаической, пережиточной организацией, которая олицетворяла патриархальный уклад в условиях феодального общественного строя. Внутренние дела общины решались на сельских сходах, главную роль в них играли наиболее почтенные и опытные старики. Средоточием общественной жизни кишлака была мечеть, а в горных районах — общественные здания *алоухона* (дом огня). Последние могут рассматриваться как пережиток архаических родовых коммунальных зданий, где односельчане проводили долгие зимние вечера, устраивали совместные трапезы, обсуждали кишлачные дела, принимали гостей и путников. В равнинных районах существовала другая форма общественного времяпрепровождения. Люди одного возраста объединялись в компании, носившие название *гап* или *тугма*, с осени подбирали помещение, покупали в складчину продукты, дрова, а зимой по вечерам собирались вместе для бесед и увеселений.

В сельской общине значительную роль играли различные домашние промыслы и ремесла, обычно еще не отделившиеся от землевладения и составлявшие добавочное занятие. Само производство еще

носило патриархальный характер, труд осуществлялся главным образом членами одной семьи. В реализации продуктов домашних промыслов и ремесел, если они не шли на потребление собственной семьи, применялся натуральный обмен. Кишлячные ремесленники — мастера, такие, как плотники, кузнецы, цирюльники, удовлетворяли нужды своих односельчан бесплатно, но крестьяне коллективно обрабатывали землю мастера, собирали для него в определенное время продукты или оказывали ему другие услуги.

Как уже отмечалось, патриархальный уклад наиболее прочно держался в семейных отношениях. В ряде наиболее изолированных районов продолжали существовать большие неразделенные семейные общины, насчитывавшие иногда до ста человек. Нередко такие семейные общины составляли отдельный кишлак и являлись своего рода сельской общиной. Глава семьи обычно пользовался неограниченной властью, остальные члены семьи подчинялись ему в решении как хозяйственных, так и семейных дел.

Такова краткая характеристика патриархально-феодалных отношений в Бухарском ханстве, сохранявшихся вплоть до свержения власти эмира и ликвидации ханства в 1920 г.¹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, М., 1955; *Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв.* (подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович), Ташкент, 1954; П. П. Иванов, *Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825*, — «Труды Инст. востоковедения АН СССР», XXVIII, М. — Л., 1937; *Хозяйство джуйбарских шейхов*, М. — Л., 1954; *История Узбекской ССР*, т. 1, кн. 2, Ташкент, 1956; Н. А. Кисляков, *Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио боло*, М. — Л., 1936; *Очерки по истории Каратегина*, Сталинабад, 1954; *Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане*, Сталинабад — Ташкент, 1933; К. Мирзаев, *Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве*, Ташкент, 1954; М. Р. Рахмолов, *Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период*, — «Труды АН ТаджССР», т. XI, Сталинабад, 1957; А. А. Семелов, *Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства*, — «Труды Ср. Аз. Гос. Университета», серия II, Ташкент, 1923; *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства*, — «Труды АН Тадж.ССР», т. XXV, Сталинабад, 1954.

М. И. БИКЖАНОВА (Ташкент): БЫТ СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ КОЛХОЗНОЙ СЕМЬИ ПО МАТЕРИАЛАМ ТАШКЕНТСКОЙ И НАМАНГАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ УЗССР

История семьи представляет собой развитие и смену одних форм семейных отношений, рожденных определенной общественно-экономической формацией, другими, более соответствующими новому строю общества.

У узбеков за годы социалистического строительства произошли большие изменения в области перестройки семейного быта.

До Великой Октябрьской социалистической революции сохранялись преимущественно большие неразделенные семьи со многими чертами, свойственными большой патриархальной семье. Ко второй половине XIX в. в процессе разложения большой патриархальной семьи в Узбекистане сложился поздний, пережиточный вариант неразделенной

семьи. Сузился круг лиц, охватываемых большой патриархальной семьей. Для второй половины XIX в. и начала XX в. характерна семья, состоящая из брачных пар только двух поколений, причем старшее поколение было в большинстве случаев представлено одной парой: отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья. Во второй половине XIX в. нередким стало выделение сыновей.

Характерно, что процесс разложения неразделенной семьи шел быстрее в тех районах, где более интенсивно развивались капиталистические отношения, и медленнее там, где было более прочным натуральное хозяйство и господствовали феодальные отношения; но и здесь с начала XX в. идет процесс разложения неразделенной семьи, выделение сыновей при жизни отца.

Наряду с большими семьями у сельского населения отсталых в экономическом отношении областей бытовала и малая отдельная семья, состоящая из мужа, жены и их несовершеннолетних детей. Малые отдельные семьи встречались чаще у несостоятельного сельского населения, среди которого семейные патриархальные устои были менее прочны (важную роль в этом играла вынужденная работа у зажиточных крестьян соседних селений, отходничество и пр.). Характерной особенностью всех семей являлось господство в них мужчин. Женщина занимала бесправное, приниженное положение. Неограниченной была власть главы семьи — отца; авторитет старших был непререкаем, младшие члены семьи находились в подчиненном положении. Отец распоряжался судьбой детей. Мальчиков женили в 15—16 лет, для девочек обычным брачным возрастом считалось 13—14 лет. Существовал обычай выкупа невесты — калым.

У узбеков, как и у всех мусульман, до Великой Октябрьской социалистической революции бытовали две формы брака: моногамия (единобрачие) и полигамия (многоженство). Многоженство, узаконенное исламом, было распространено преимущественно в среде привилегированного слоя общества — в среде узбекской феодально-байской верхушки.

Советское законодательство и для мусульманских районов Средней Азии признало законной одну форму брака — единобрачие, или моногамию. Многоженство запрещено советским законом. Пережиточная форма большой патриархальной семьи является в условиях социализма отживающей формой семьи. Отдельные семьи такого типа, сохранившиеся еще в первые годы советской власти, главным образом в кругах байства, в ходе построения социализма и в процессе складывания и развития социалистических отношений утратили материальную базу и распались.

Складывание новых отношений происходило постепенно. Ломка старой семьи, старых семейных отношений прежде всего началась в бедняцких, батрацких семьях, где старые устои еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции были слабее, чем в зажиточных семьях. Первыми борцами за новые семейные отношения были представители передовой части трудового дехканства, а также коммунисты, комсомольцы и нарождавшаяся, численно еще незначительная советская национальная интеллигенция.

Социалистические преобразования в экономике, советское законодательство о семье и браке, о правах женщин, фактическое расширение женщин и вовлечение их в общественное производство и общественно-политическую жизнь — все это оказало большое влияние на

трудовое дехканство, на его мировоззрение, психологию, на его личную и семейную жизнь.

В октябре 1918 г. на VI съезде Советов Туркестанской АССР была принята конституция ТАССР, уравнившая в правах женщин с мужчинами.

Огромную роль в раскрепощении женщин-узбечек сыграли женотделы, организованные при партийных комитетах. Они провели большую работу по вовлечению женщин в учебу, общественную и производственную работу. 14 июля 1921 г. был введен в действие декрет о запрещении калыма. Декретом был установлен брачный возраст: для мужчин — 18 лет, для женщин — 16 лет. Эти нормы были пересмотрены в 1938 г., и брачный возраст женщин приравнен к мужскому (т. е. 18 лет). В декрете, опубликованном в 1917 г., была объявлена свобода развода, брак расторгался местным судом по просьбе супругов или одного из них.

Для укрепления нового положения женщин, роста их культурного уровня, складывания новых, товарищеских отношений между мужчинами и женщинами, формирования нового быта очень важную роль сыграли в 1925—1927 гг. возникшие стихийно так называемые семейные кружки (*оилляви тугарак*). Целью их было вывести женщин из затворничества, поднять их культурный уровень, приучить к мужскому обществу, чтобы они чувствовали себя равными с мужчинами. Сначала эти кружки объединяли семьи коммунистов, комсомольцев, работников партийных организаций и советских учреждений, учителей, позднее в них включились сельские активисты, наиболее политически и культурно развитые дехкане и прежде всего члены батрацких сельскохозяйственных артелей. Семейные кружки были основаны на добровольных началах. Группа людей собиралась поочередно друг у друга. Каждый участник кружка должен был являться вместе с женой, а если он не был женат — с матерью или сестрой. На таких кружках делались доклады на экономические и политические темы или доклады, посвященные женскому вопросу, если готовились угощения, то обычно в складчину. Некоторые *оилляви тугарак* имели более узкий семейный характер, на них отмечались семейные события членов кружка: свадьба, рождение ребенка и пр. Несмотря на то что семейные кружки охватили незначительную часть населения, на определенном этапе они сыграли несомненно положительную роль, способствуя ломке старого быта, ликвидации феодально-байского отношения к женщине и формированию новых отношений между мужчинами и женщинами.

Роль коллективизации в коренном изменении положения женщины в кишлаке была исключительно велика. Колхозный строй вовлек женщин в сельскохозяйственное производство, дал дехканке экономическую независимость, создал материальные условия для ее равноправия в обществе и семье.

В крупных селениях и районных центрах организовывались специальные женские сельскохозяйственные и кустарно-промысловые артели. Некоторые узбечки стали приобретать квалификацию трактористов, механиков. Одной из первых трактористок была Кумрихон Якуббаева, уроженка кишлака Айкыран (Наманганский район). Первой трактористкой в Уйчинском районе стала Аимхон Дедабаева, также член КПСС (сейчас пенсионерка), и многие другие. В 30-х годах в Чусте и Чартаке были открыты курсы механизации сельского хозяйства. В Чартаке в 1939 г. окончили курсы 28 женщин.

В первые годы после создания колхозов для женщин были организованы специальные женские бригады. В настоящее время женщины в колхозах работают во всех отраслях сельского хозяйства, особенно в хлопководстве и шелководстве. Женщины занимают часто и руководящие посты (звеньевых, бригадиров, председателей колхозов и т. п.). Многие колхозницы награждены высокими правительственными наградами. Есть Герои Социалистического Труда: Шахзода Мирзаходжаева — бригадир полеводческой бригады колхоза им В. И. Ленина Наманганского района; Тохта Абдуллаева — бригадир колхоза им. Н. С. Хрущева Орджоникидзеvского района Ташкентской области; Турсуной Ахунова — механик-водитель хлопкоуборочной машины колхоза им. С. М. Кирова Чиназского района Ташкентской области и др. Большую роль играют женщины в культурной жизни колхоза. Они работают учительницами в школах, воспитательницами в колхозных яслях и детских садах; много женщин работает в библиотеках и клубах. Среди сельской интеллигенции есть женщины-агрономы, врачи, юристы.

Новое положение узбечки в обществе изменило ее положение и в семье. Современная колхозная семья основана на полном равноправии всех взрослых членов, связанных взаимной материальной и моральной поддержкой, на общем участии в колхозном производстве, на дружественных взаимоотношениях и уважении друг к другу. Одной из главных черт современной семьи является новое положение, которое занимает в ней жена. Ее активное участие в производственной и общественной жизни колхоза, равноправие в труде и оплате за труд определили ее равноправное положение и в семье. В бюджете семьи доля жены занимает значительное место, поэтому естественно, что жена, которая раньше всецело зависела от мужа, теперь наравне с мужем является хозяйкой дома, принимает активное участие в обсуждении всех семейных вопросов и в решении хозяйственных дел. Между супругами складываются немыслимые в старой семье задушевные, товарищеские отношения, чему способствует заключение браков по инициативе самих молодых, по их взаимной склонности.

Характерным свидетельством новой роли жены в колхозной семье является то, что часто жена (а не муж, как бывало раньше) является хранительницей и распорядительницей расходовемых денег. И таких семей много. Вот, например, в семье Ш. Таджибаева, бригадира колхоза им. А. А. Жданова (Уйчинский район), весь заработок муж отдает жене, и она расходует его по своему усмотрению. Такой порядок вошел в традицию этой семьи еще в годы Великой Отечественной войны, когда Ш. Таджибаев был на фронте, а его жена Мастанхон, работая звеньевой полеводческой бригады, содержала многочисленную семью (дети, свекровь, свекор) и сама вела домашнее хозяйство.

Нормальным явлением становится товарищеская помощь мужа жене, выражающаяся в том, что муж, учитывая занятость жены в колхозном производстве, берет на себя часть домашних работ, раньше лежавших исключительно на женщине (например, приготовление пищи).

Пережитки прошлого — феодально-байское отношение к женщине, исстари сложившиеся религиозно-бытовые предрассудки — сами по себе отпасть не могли, и потребовалось вести настойчивую борьбу с ними, повседневную массовую культурно-просветительную работу. Перемены, происшедшие в семейных отношениях, вызвали новое отношение к

обрядам и обычаям, связанным с браком. Калым, как оплата за жену, — изжит.

Браки в колхозах регистрируются в сельсовете при обязательном присутствии жениха и невесты. Некоторая часть населения наряду с регистрацией гражданского брака совершает и мусульманский обряд бракосочетания — *никох*.

Самой характерной особенностью современной свадьбы является то, что гости — мужчины и женщины — располагаются за общим столом, за которым сидят и молодожены. Приглашая на свадьбу семейных гостей, их просят приходить со своим супругом или супругой. Свадьба сопровождается музыкой, танцами, пением.

В то время как регистрация браков широко вошла в быт колхозного населения, разводы до настоящего времени не всегда оформляются в соответствии с советским законом. У некоторой отсталой части колхозников старый мусульманский бракоразводный закон еще не потерял силы. Формулу развода, произнесенную или написанную мужем в письме, до сих пор некоторые колхозники считают вполне достаточной, чтобы брак считался расторгнутым. Характерная для дореволюционной семьи деспотическая власть свекрови над невесткой, часто вызывавшая между ними вражду, быстро изживается в силу экономического положения, которое заняла невестка в семье.

До Великой Октябрьской социалистической революции смешанные браки допускались только с представителями народов, исповедующих ислам («правоверных»). Появление смешанных семей — явление, несомненно, прогрессивное, свидетельствующее об изживании религиозных предрассудков и национальной ограниченности. Например, в одном из колхозов Чартакского района бывшей Наманганской области за последние 20 лет отмечены браки узбеков с русскими, украинцами и др. Сложилось несколько семей, в которых одна из сторон — муж или жена — принадлежат к давно живущей в селении группе цыган.

Отличительной чертой узбекской семьи является большое число детей. Материальная обеспеченность колхозников, помощь государства многодетным матерям, лечебные и воспитательные учреждения в колхозах облегчают каждой семье дело воспитания детей. Ясли и детские сады играют важную роль не только в воспитании детей; эти детские учреждения дают возможность матерям спокойно заниматься общественным трудом.

В Советском Союзе введено обязательное бесплатное восьмилетнее обучение. В Узбекистане, как правило, в каждом колхозе построены прекрасные удобные школьные здания. Почти все преподаватели имеют специальное высшее образование и, как правило, являются местными уроженцами. В школах введено совместное обучение мальчиков и девочек. Советская школа играет исключительно важную роль в формировании социалистической культуры и быта колхозной семьи. Школьники вносят в семью культурные навыки, культурные интересы. Появились и новые обычаи в семейном воспитании. Новшеством является празднование дня рождения ребенка.

Неизмеримо вырос культурный уровень узбекской колхозной семьи. Колхозная молодежь в массе своей имеет неполное среднее или полное среднее образование. Многие имеют высшее образование (учителя, агрономы, врачи, ирригаторы, зоотехники, электрики). Из среды колхозной молодежи выходят и научные работники Узбекистана.

Все возрастающая материальная обеспеченность колхозников позволяет колхозной семье строить или приобретать на льготных условиях у колхоза благоустроенные жилые дома в несколько комнат. Характерной особенностью их является прежде всего то, что большинство из них обращено фасадом на улицу, куда выходят и окна, что было абсолютно недопустимо в старое, дореволюционное время. Сохранившие старую архитектуру дома перестраиваются, благоустраиваются. Широко вошли в быт колхозной семьи электричество, радио, телевизоры. В той или иной степени дома обставляют современной мебелью, украшают стены портретами, картинами, фотографиями. Национальные черты в убранстве домов сохраняются в стремлении убрать комнаты паласами, вышивками прекрасной ручной работы, коврами.

Зажиточность колхозных семей отражается и в одежде; преобладают дорогие, преимущественно шелковые, ткани (а также шерсть, бархат). Национальный костюм старого типа без особых изменений остается для пожилых людей. Одежда колхозников средних лет и главным образом молодежи, сохраняя многие элементы старой национальной одежды, имеет и элемент нового. Так, у молодых женщин платье делается очень широкое, на кокетке, со сборками на груди; молодые женщины и девушки носят тюбетейки, тогда как в прошлом ношение тюбетеек даже девочками строго осуждалось. Паранджу и чавчан носят редко — только некоторые женщины преклонного возраста, воспитанные еще в старых, мусульманских традициях.

О зажиточности и возросшем благосостоянии колхозных семей свидетельствует приобретение велосипедов, мотоциклов. Многие колхозники имеют легковые машины. Громадную роль в удовлетворении культурных запросов населения играют библиотеки, клубы и дома культуры. Ярким свидетельством культурного роста колхозников является значительное число личных библиотек. Выписывают газеты, журналы, приобретается художественная, сельскохозяйственная и другая литература, юноши и девушки занимаются в музыкальных, хоровых, спортивных, литературных, драматических и других кружках, организованных в школах и колхозных клубах.

Ярким показателем культурного уровня является также сознательное отношение к медицине, глубоко вошедшей в быт колхозной семьи.

На данном этапе развития семьи узбекского колхозного крестьянства основной, типичной формой семьи становится отдельная семья, состоящая из мужа, жены, их несовершеннолетних детей и иногда кого-либо из родных мужа или жены. В настоящее время имеется реальная возможность для массового выделения малых отдельных семей. Наряду с этой формой семьи продолжает сохраняться и неразделенная семья, основанная на принципе добровольного проживания женатых сыновей с родителями. Процесс изменений в быту семьи, в семейно-брачных отношениях происходит в непрерывной борьбе нового, прогрессивного со старым, отживающим. Этот процесс неотделим от общего процесса становления и развития социалистического общества в Узбекистане и новых форм культуры и быта.

По докладу выступила Т. А. Жданко.